

Андрей ГРОЗИН

МОНГОЛИЯ И РЕСПУБЛИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Дата поступления в редакцию: 18.12.2023.

Для цитирования: Грозин А. В., 2024. Монголия и республики Центральной Азии. – Геоэкономика энергетики. № 1 (25). С. 80–95. DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_80

В статье рассматривается состояние взаимоотношений Монголии и постсоветских республик Центральной Азии (Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана). Оцениваются основные ограничители монголо-центральноазиатского экономического сотрудничества, а также шаги по усилению различных элементов межгосударственного партнерства, отмечаемые в последнее время. Отдельно оцениваются отдельные попытки Улан-Батора выработать некие новые теоретические подходы к активизации монгольской политики в Центральной Азии в условиях наблюдаемого роста мировой геополитической и геоэкономической напряженности. Очевидно, что в текущих условиях потребности Монголии в расширении круга международных партнерств становятся серьезным вызовом, требующим от властей республики принятия важных политических и внешне-экономических решений уже в краткосрочной перспективе.

Монголия с физико-географической точки зрения относится к макро-региону Центральной Азии (ЦА). В монгольской внешнеполитической концепции центральноазиатское направление всегда обозначается как одно из приоритетных направлений внимания. В то же время на практике эти декларации мало соответствуют уровню реального взаимодействия стран постсоветской (республики ЦА) и постсоциалистической (Монголия) Азии.

ГРОЗИН Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Химки, 141410, пр. Мельникова, д. 2/1. E-mail: andgrozin@yandex.ru. SPIN-код: 5621-8571

Ключевые слова: Монголия, Улан-Батор, Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Китай, Россия, экспорт, сотрудничество, межгосударственное партнерство.

Монголо-центральноазиатские связи: хроническая неразвитость

Из республик Центральной Азии наиболее активно Монголия развивает отношения с Республикой Казахстан (РК), и монголо-казахские отношения в сравнении с другими республиками ЦА носят относительно интенсивный характер.

Монголия отделена от Казахстана тонкой, шириной менее 40 км, полосой территории КНР. Помимо географического фактора, Казахстан из республик региона особенно близок Монголии с точки зрения общности историко-культурных корней. Казахи и монголы имеют много сохраняющихся культурных сходств, обусловленных близостью исторического наследия двух народов — скотоводов-кочевников. На генезис казахского социума повлияла монгольская политическая культура: руководящие позиции в клановой структуре и жузовой иерархии заняли представители чингизидов. Исторические особенности развития кочевой родоплеменной структуры казахов сказываются и на современном управлении в официальных структурах РК.

Как и в Кыргызстане, в Казахстане среди части интеллигенции популярны рассуждения об Алтае как о предполагаемой географической прародине тюркского мира, ареале распространения древнетюркских рунических надписей и связанных с этим нарративах.

В октябре 1993 г. президент Казахстана Н. Назарбаев совершил первый официальный визит в Монголию [Адилбаев, 2022]. Протокол о сотрудничестве между хуралом Монголии и мажилисом РК был подписан в 2003 г. Летом 2008 г., во время официального визита в Монголию, Назарбаев был награжден высшей наградой Монголии, орденом «Эрдэнэ Очир» («Драгоценный жезл»), за вклад в развитие двусторонних отношений. С момента установления дипломатических отношений в 1991 г. страны подписали более 50 двусторонних договоров и соглашений (в том числе около 10 соглашений о культурно-гуманитарном сотрудничестве).

В Монголии проживает значительная по местным меркам казахская диаспора. Казахи — второй по величине этнос страны и крупнейшее национальное меньшинство Монголии. Согласно результатам переписи населения 2010 г., казахов в Монголии насчитывалось 101,5 тыс. человек (около 3,8 % населения республики). По другим оценкам, казахское население составляет до 7 % [Родионов, 2012:106]. Большинство казахов Монголии проживают в крайне западном аймаке (провинции) Баян-Улгий (до 1989 г. использовалось русское наименование Баян-Улэгэй).

По программе репатриации из Монголии в Казахстан в 90-е гг. XX в. переехали до 20 тыс. семей этнических казахов. Монгольские казахи стали первыми оралманами (возвращенцами) в Казахстан в 1991 г. По данным Улан-Батора, с 1995 по 2015 г. гражданство РК получили около 40 тыс. выходцев из Монголии (по казахстанским оценкам — около 60 тыс.). Из них

около 10 тыс. человек вернулись назад в Монголию по различным причинам, не прижившись на исторической родине. Монгольские казахи пользуются кириллическим письмом, обычно знакомы с русским языком и лучше интегрируются в Казахстане в сравнении с казахами из Ирана, Китая и Пакистана, но хуже, чем казахи из стран ЦА (Узбекистан, Кыргызстан, Туркмения).

В конце 2019 г. в законе «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования миграционных процессов», помимо иных изменений, произошла замена термина «оралман» на «қандас» («сородич»). Из 1 млн 69,5 тыс. кандасов, приехавших в 1991–2021 гг. в Казахстан, основными странами исхода были Узбекистан (61,6 %), КНР (12,1 %), Монголия (11,7 %) и Туркменистан (7,1 %).

Казахстан играет некоторую роль в экономике Монголии. Ранее российско-монгольское СП – горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт» – большую часть своей продукции поставляло в Казахстан (точнее, там обрабатывалась медная руда, затем через Россию она поставлялась на мировой рынок). Продажа государственной корпорацией по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» в 2016 г. своего пакета акций ГОК «Эрдэнэт» прямо повлияла на снижение монгольско-казахстанского товарооборота.

В 2017 г. товарооборот между Казахстаном и Монголией составил всего 68,2 млн долл., что на 5,5 % меньше аналогичного показателя в 2016 г. (72,1 млн долл.). Из этой суммы экспорт РК в Монголию составил 66,4 млн долл., а импорт из Монголии в Казахстан – соответственно 1,8 млн долл. (табл.).

Таблица

Товарооборот Монголии и Казахстана

Экспорт Казахстана в Монголию	Экспорт Монголии в Казахстан
Сигареты	Продукты животного и растительного происхождения
Табак	Текстиль и текстильные изделия
Санитарно-гигиенические продукты	Древесина
Моющие и чистящие средства	Целлюлозно-бумажные изделия
Пшеничная и пшенично-ржаная мука	
Пищевые продукты	
Нефтепродукты	

В начале 2019 г. посол РК в Монголии Калыбек Кобландин «указал на успешное развитие и расширение двусторонних отношений в последние

годы». По его словам, товарооборот между Казахстаном и Монголией в 2018 г. достиг 67,4 млн долл.¹.

В октябре 2021 г. на встрече министра торговли и интеграции РК Бахыта Султанова и главы МИД Монголии Батцэцэг Батмунх было заявлено, что «товарооборот между Казахстаном и Монголией за январь — август 2021 г. составил 33,9 млн долл., что на 46,4 % выше, чем за аналогичный период предыдущего года. Экспорт из Казахстана в Монголию за январь — август 2021 г. вырос на 46,3 % и составил 32,1 млн долл. Импорт в Казахстан из Монголии за январь — август 2021 г. вырос на 48,7 % и составил 1,8 млн долл.»².

Торговля двух стран традиционно складывается в пользу Астаны [Гайнуллина, 2023], при этом казахстанская сторона в последние два года часто говорит о готовности расширить номенклатуру поставляемых в Монголию товаров из 80 товарных позиций на 255,4 млн долл. (продукция нефтехимической, пищевой, легкой, строительной промышленности, металлургии, машиностроения, фармацевтики)³.

По последним казахстанским данным, взаимная торговля двух стран демонстрирует положительную динамику и ее рост в 2022 г. увеличился в 1,7 раз по сравнению с 2021 г., составив свыше 104 млн долл. [Алмазов, 2023].

На полях 78-й Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2023 г.) президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев обсудил взаимовыгодное сотрудничество с президентом Монголии Ухнаагийн Хурэлсухом. Токаев подчеркнул возможность расширения двусторонних отношений до уровня стратегического партнерства и опять озвучил, что «для придания дополнительного импульса торгово-экономическому взаимодействию необходимо активизировать работу Межправительственной комиссии и создать Деловой совет Казахстана и Монголии»⁴. Стоит отметить, что о желательности создания делового совета казахстанские чиновники разных рангов заявляют уже несколько лет.

Как писал в 2017 г. специалист в области азиатских исследований Брэндон Милиэйт, «минимальные отношения между двумя государствами, столь близкими друг к другу в культурном и географическом отношении, первоначально вызывают недоумение». По его мнению, имеются важнейшие препятствия для политических и экономических связей Астаны и Улан-Батора: исторические границы, казахстанско-российские отношения и ограниче-

¹ Монголо-казахстанский торговый оборот в 2018 году достиг 67,4 млн долл. // <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=20686/>, дата обращения 09.10.2023.

² Товарооборот между Казахстаном и Монголией составил 33,9 млн долл. // <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/268975?lang=ru/>, дата обращения 07.10.2023.

³ Товарооборот между Казахстаном и Монголией вырос на 86,2 % // <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-ulaanbaatar/press/news/details/381639?lang=ru/>, дата обращения 11.10.2023.

⁴ Токаев предложил президенту Монголии создать Деловой совет двух стран // https://arbatmedia.kz/vaznoe-v-kazaxstane/tokaev-predlozil-prezidentu-mongolii-sozdat-delovoi-sovet-dvux-stran-2945?utm_source=smi24/, дата обращения 20.10.2023.

ния, связанные с различиями в идеологии. Главными при этом, конечно же, являются идеологически мотивированные причины: «С позиции Монголии, выдерживание роли России в сбалансированном виде означает избегание тесного сотрудничества с принципиальными союзниками/партнерами Российской Федерации, в том числе и с Казахстаном. В обозримой перспективе Монголия и Казахстан по-прежнему будут сообща пользоваться тесными культурными связями, а также развивать больше отношений между людьми. Однако политические и/или военные связи вряд ли получают развитие с учетом продолжающегося тесного взаимодействия Казахстана с Российской Федерацией и наличия там авторитарного руководства вкупе с нежеланием Монголии дружить с такими государствами» [Милиэйт, 2017].

В последнее время наблюдаются некоторые попытки активизации отношений Монголии с Узбекистаном и Кыргызстаном.

Ташкент начал демонстрировать интерес к сотрудничеству с Улан-Батором лишь в самое последнее время. Традиционно взаимные интересы концентрируются в сфере агросектора. За 2022 г. товарооборот сельскохозяйственной и продовольственной продукции Республики Узбекистан (РУз) и Монголии составил 5,5 млн долл. (при этом узбекский экспорт в Монголию, согласно базе данных COMTRADE ООН по международной торговле, составил 4,4 млн долл.⁵). На участившихся в 2022–2023 гг. двусторонних переговорах стороны традиционно выражают готовность сотрудничать и укреплять взаимоотношения именно в сфере сельского хозяйства [Батиццэг, 2022].

По официальным заявлениям монгольской стороны, она хотела бы взаимодействовать с Ташкентом по вопросам продовольственной безопасности, изучить возможность использовать РУз в качестве транзитного хаба. С 2022 г. в Монголии начали действовать карантинные зоны, ориентированные на совершенствование технических условий обработки и хранения агропродукции.

Министр сельского хозяйства РУз Азиз Воитов указал на то, что «сторонам необходимо определить взаимодополняющие секторы в науке и технологиях. К примеру, узбекская сторона готова поделиться опытом по созданию интенсивных садов и теплиц, а также заинтересована в опыте Монголии по животноводству и ветеринарии. У Монголии есть стабильный спрос на плодовоовощную продукцию из Узбекистана. Кроме того, узбекская сторона готова поставлять орехи, кондитерские изделия, алкогольную и табачную продукцию»⁶. В последние два года Ташкент и Улан-Батор периодически заявляют о намерении организовать крупный экспорт

⁵ Экспорт Узбекистана в Монголию на 2023 год // <https://tradingeconomics.com/uzbekistan/exports/mongolia/>, дата обращения 10.11.2023.

⁶ Узбекистан и Монголия активизируют сотрудничество в аграрной сфере // <https://www.fruit-inform.com/ru/news/189988/>, дата обращения 15.11.2023.

мяса, мясопродуктов и кожи, а также укрепить обмен опытом по вопросам развития садоводства.

В марте 2023 г. в Ташкенте с визитом побывала глава МИД Монголии Батмунхийн Батцэцэг. По ее словам, во время переговоров Монголия и Узбекистан смогли договориться о поставках экспортных товаров, таких как халяльное мясо, мясопродукты, обработанная кожа, фрукты, овощи и орехи. Узбекистан и Монголия пришли к соглашению о создании Совместной межправительственной комиссии по сотрудничеству и договорились о разработке совместной программы развития торговли, экономики и инвестиционной деятельности, а также об установлении прямых контактов между организациями, ответственными за вопросы торговли и инвестиций с обеих сторон. Монгольская сторона объявила о решении открыть свое представительство дипломатической миссии в Ташкенте в текущем году⁷.

К настоящему времени, по словам главы монгольского внешнеполитического ведомства, «политическая позиция Монголии состоит в выстраивании прагматичных отношений со странами Центральной Азии, в особенности с Узбекистаном. Наши страны не имеют выхода к мировому океану, монгольская сторона заинтересована в географическом положении Узбекистана в качестве транзитного хаба. С нашей стороны мы предлагаем обратить внимание на мясную продукцию, изделия из кожи и их экспорт в Узбекистан»⁸.

В июле 2023 г. состоялся визит президента Кыргызской Республики (КР) Садыра Жапарова в Улан-Батор (стоит отметить, что до этого единственным киргизским лидером, посетившим Монголию, был первый президент Аскар Акаев).

В рамках развития торгово-экономических отношений между Кыргызстаном и Монголией состоялись встречи президентов двух стран, в ходе которых были подписаны «важнейшие документы» (главными стали межправительственные соглашения об охране окружающей среды, о сотрудничестве в области сельского хозяйства, о взаимном сотрудничестве в сфере ветеринарии и о сотрудничестве между Министерством внутренних дел КР и Министерством юстиции и внутренних дел Монголии в сфере борьбы с преступностью⁹). Также по итогам визита в текущем году Кыргызстан открывает свое диппредставительство в Улан-Баторе и надеется на перспективную «реализацию совместных проектов и программ в сферах сельского

⁷ Монголия и Узбекистан наращивают торгово-экономические связи // <https://babr24.com/?IDE=242838/>, дата обращения 03.11.2023.

⁸ Узбекистан – Монголия: сотрудничество в сфере сельского хозяйства // <https://m.rusexporter.ru/news/detail/14587/>, дата обращения 02.11.2023.

⁹ О чем провел переговоры президент Кыргызстана в Монголии – итоги // <https://daryo.uz/ru/2023/07/10/o-chem-provel-peregovory-prezident-kyrgyzstana-v-mongolii-itogi/>, дата обращения 10.07.2023.

хозяйства, легкой промышленности, возобновляемой энергетики и горно-добывающей промышленности, а также для обмена опытом»¹⁰.

Как и в ситуации с узбекско-монгольским сотрудничеством, киргизская сторона указывает на интерес к партнерству в сфере экспорта продукции агросектора: мяса, мясопродуктов и кож из Монголии в Кыргызстан, импорта фруктов и овощей из КР, а также активизацию сотрудничества между ветеринарными и карантинными учреждениями.

Кыргызско-Монгольский деловой совет был создан уже достаточно давно (меморандум о создании совета был подписан еще в июне 2014 г.), но товарооборот между странами даже по киргизским меркам просто мизерен: по данным посла КР в Монголии Азамата Усенова, за январь – сентябрь 2017 г. он составил всего 1,6 млн долл., из которых экспорт из Кыргызстана в Монголию – 1,3 млн долл. [Дэлгэрмаа, 2017]. Согласно данным киргизской таможенной статистики, в 2018 г. торговый оборот двух стран составил 2,358 млн долл. в 2017 г. этот показатель составлял 2,014 млн долл.

Посетивший с официальным визитом Бишкек 12 июня 2019 г. президент Монголии Халтмаагийн Баттулга заявил, что «на сегодняшний день объем торговли между двумя странами не достигает и 1 млн долларов»¹¹.

По словам министра экономики и коммерции Кыргызстана Данияра Амангельдиева, объем торговли между Кыргызстаном и Монголией, составивший в 2021 г. 1,076 млн, «не отвечает существующему потенциалу»¹².

В последнее время в преддверии визита президента С. Жапарова в Монголию киргизские власти заявляли о росте товарооборота, но избегают озвучивания каких-либо цифр.

Положением, отличающим взаимоотношения Бишкека и Улан-Батора от узбекско-монгольских отношений, является наличие некоторой общности киргизов и монголов в историко-культурной сфере. КР отдельным блоком предлагает изучать и установить историко-культурное наследие Монголии, сохранившееся в Кыргызстане, расширить музейное сотрудничество, увеличить студенческий обмен. В Баян-Улгийском аймаке Монголии, по утверждению официального Бишкека, проживают этнические киргизы (перепись населения в Монголии, проведенная в 2000 г., зафиксировала в аймаке при общем населении в 110 тыс. человек 90,4 % казахов, 5,19 % урянхайцев, 1,42 % тувинцев, остальные были обозначены как дер-

¹⁰ Кыргызстан – Монголия: новые грани торгово-экономического сотрудничества // <https://asian24news.com/2023/07/10/kyrgyzstan-mongolija-novye-grani-torgovo-jekonomicheskogo-sotrudnichestva/>, дата обращения 10.07.2023.

¹¹ Объем торговли между Кыргызстаном и Монголией не достигает и 1 млн долл. – президент Монголии Х.Баттулга // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/211998812/>, дата обращения 12.11.2023.

¹² Кыргызстан и Монголия планируют увеличить объем торговли и наладить прямое авиасообщение // <https://asiarussia.ru/news/31168/>, дата обращения 15.11.2023.

беты и халха-монголы¹³, киргизы не обозначены). По мнению президента С. Жапарова, «проведение там исторических исследований поможет сблизить народы двух стран в историческом и культурном плане»¹⁴.

Часть киргизской гуманитарной интеллигенции любит рассуждать об общих алтайских корнях двух народов. Эти разговоры периодически ведутся уже несколько десятилетий, но ни к каким практическим результатам не привели. Стороны много лет безрезультатно обсуждают вопросы восстановления прямых авиарейсов Бишкек — Улан-Батор и развитие туристического сотрудничества за счет взаимного безвизового режима.

Как и в случае с Узбекистаном и другими среднеазиатскими республиками, главным препятствием в наращивании киргизско-монгольской торговли остаются проблемы транспортно-логистического характера.

Ключевыми внешнеэкономическими партнерами Монголии остаются Китай и Россия. По последним оценкам, внешнеторговый оборот Монголии значительно увеличился в первой половине 2023 г. Торговое взаимодействие Монголии с 143 странами привело к увеличению внешнеторгового оборота до 11,8 млрд долл. Экспорт составил 7,6 млрд долл., а импорт — 4,3 млрд долл. Торговля с Китаем при этом составила 8,6 млрд долл., или 73 % всего монгольского внешнеторгового оборота.

На долю Китая в первой половине текущего года пришлось 39,2 % импорта, России — 26,6 %, Японии — 8 %, Южной Кореи — 4,6 %, США — 3,6 % и Германии — 2,5 %. На нефтепродукты приходилось 71,3 % товаров, импортируемых из РФ, на легковые автомобили — 72,7 % товаров, импортируемых из Японии, а на грузовые автомобили — 10 % товаров, импортируемых из КНР¹⁵.

Объем торговли между Монголией и Россией в 2022 г. составил 2,7 млрд долл., что стало историческим рекордом для двух стран¹⁶.

На этом фоне монгольские торгово-экономические связи с центрально-азиатскими республиками за три последних десятилетия остаются стабильно крайне незначительными.

В отношениях Монголии и стран Центральной Азии имеются противоречия субъективного свойства: для монгольских властей, позиционирующих свою страну в качестве самой демократической страны постсоциалистической Азии, центральноазиатские республики в имиджевом плане

¹³ О провинции Баян-Улгий. Статистическая служба аймака Баян-Улгий // <https://bayan-olgii.gov.mn/about-2/>, дата обращения 05.12.2023.

¹⁴ Президенты Кыргызстана и Монголии провели переговоры // <https://ru.sputnik.kg/20230709/sadyr-zhaporov-peregovory-mongoliya-1076923762.html/>, дата обращения 09.07.2023.

¹⁵ Внешняя торговля Монголии достигла 11,8 млрд долл. в первой половине 2023 года // <https://asiarussia.ru/news/37380/>, дата обращения 29.08.2023.

¹⁶ Товарооборот между Монголией и Россией достиг исторического максимума. Показатель составил 2,7 млрд долл. // <https://tass.ru/ekonomika/16837023/>, дата обращения 24.11.2023.

позиционируются как авторитарные [Марат, 2011], слишком тесное объединение с которыми нецелесообразно.

Одновременно отношения Монголии с государствами постсоветской Азии тормозятся и по ряду объективных причин.

Слабое развитие средств коммуникации, неотлаженность логистической системы в направлении запада (у Монголии отсутствует железнодорожная связь с государствами ЦА, неразвита автодорожная сеть), отсутствие выходов к Мировому океану серьезно снижают возможности расширения монгольских внешнеэкономических связей с Центрально-Азиатским регионом [Родионов, 2012: 107]. Причем данное положение никак не изменилось за три последних десятилетия.

Экономика Монголии остается ориентированной на экспорт сырья (продукции горно-металлургического комплекса и агросектора) и в этом плане тождественна центральноазиатским сырьевым экономикам. Между Монголией и рядом стран ЦА существуют сходство и общность исторического прошлого, но все они конкуренты на мировых сырьевых рынках и соперничают за доступ к международным кредитам и инвестициям мирового сообщества.

Сохраняется интерес Улан-Батора к перспективам сотрудничества со странами ЦА (Казахстаном в первую очередь), располагающими углеводородным сырьем. Монголия заинтересована в диверсификации поставок энергоносителей (90 % монгольских потребностей в нефти и нефтепродуктах закрывает импорт из России), однако многолетнее стремление монгольских властей к созданию отечественного сектора нефтедобычи и нефтепереработки и, главное, отсутствие транспортной инфраструктуры любого рода работают на относительно низкий интерес Улан-Батора к партнерству с центральноазиатскими республиками.

Особенности монгольского внешнеполитического позиционирования и попытки преодолеть многолетние диспропорции

Страны ЦА и Монголия решают во многом одинаковые как политические, так и экономические задачи. Улан-Батор (как и центральноазиатские столицы) реализует модель многовекторной внешней политики. Базой данной стратегии являются сбалансированные отношения с РФ и КНР при одновременном выстраивании партнерств с «третьим соседом» (США, Японией, странами Евросоюза, Южной Кореей и пр.), который в своей совокупности станет уравнивать влияние на Монголию Кремля и Чжуннаньхуа. В Монголии при любых сменах персоналий во власти курс на желание выстроить особо близкие отношения с США сохраняется.

Важным принципом внешней политики Монголии является отказ от участия в любых военно-политических блоках. Монгольская Конститу-

ция запрещает размещение на территории страны иностранных военных баз (ст. 4, п. 3)¹⁷.

С 2003 г. на монгольской территории совместно с американцами проводятся ежегодные учения «Квест хана» (*Khan quest*) и «Гобийский волк». С 2012 г. Монголия является участником Программы индивидуального партнерства и сотрудничества с НАТО, монгольские военные принимали участие в операциях Североатлантического альянса в Ираке и Афганистане.

Монголия активно участвует в совместных со странами ЦА западных военных учениях. За последние годы монгольские военные регулярно участвовали в маневрах Центрального командования Вооруженных сил США «Региональное сотрудничество – 2017» (в Таджикистане), «Региональное сотрудничество – 2018» (в США), «Региональное сотрудничество – 2022» (в Таджикистане), «Региональное сотрудничество – 2023» (в США). Как утверждают в Пентагоне, «учения направлены на укрепление отношений между странами-участницами, а также на повышение потенциала и возможностей для совместной работы»¹⁸.

В то же время от сотрудничества с силовыми структурами России и Китая Монголия старается воздерживаться [Джеенбекова, 2021].

Основной международной структурой, в рамках которой монгольская сторона взаимодействует со странами ЦА, остается Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Спустя почти два десятилетия после получения статуса постоянного наблюдателя ШОС (июнь 2004 г.) Монголия не стала полноценным членом организации и не выражает никакого стремления к изменению данного положения. Статус постоянного наблюдателя для монгольской стороны представляется оптимальным. Улан-Батор, дорожа отношениями с коллективным Западом, совершенно не заинтересован в демонстративном сближении с ШОС (воспринимаемой в Монголии как антизападная структура).

Многочисленные западные авторы многократно и откровенно указывали на недопустимость полноценного членства Улан-Батора в Шанхайской организации: «Лидеры Монголии могут рассматривать ШОС как клуб, открывающий новую эпоху российско-китайского сближения и сотрудничества. Однако преимущественно буддистская Монголия имеет мало общего с исламским лагерем, православной Россией и атеистическим условно коммунистическим Китаем... Вступив в ШОС, Монголия закроет себе дверь к политике «третьего соседа»» [Bedetski, 2006: 86].

¹⁷ Конституция Монголии // https://www.conscourt.gov.mn/?page_id=842&lang=en/, дата обращения 04.12.2023.

¹⁸ Дан приказ идти на Запад // <https://uzmetronom.agency/2023/08/21/dan-prikaz-idti-na-zapad.html/>, дата обращения 25.08.2023.

Отдельно следует сказать о том, что Монголию и республики постсоветской Азии роднит фактор синофобии, притом что КНР наряду с РФ остается ключевым монгольским торгово-экономическим партнером.

На Китай сейчас приходится около 73 % всей монгольской внешней торговли. В сфере иностранных инвестиций китайские составляют около 50 %. Китай покупает у Монголии 63 % угля, 18,25 % медного концентрата, цинковую, железную руды и мясные консервы [Пустовойтова, 2023]. Экономический проект Монголии «Путь развития» увязывается с китайской мегаинициативой «Один пояс — один путь» (ОПОП). Помимо экономики, отношения Монголии и Китая поступательно развиваются и в иных, в том числе гуманитарных, направлениях.

В то же время как в силу исторических причин, так и из-за текущих обстоятельств в Монголии (как и в Казахстане, и в Кыргызстане) настороженно относятся к КНР, опасаясь финансово-экономической зависимости и этнокультурной ассимиляции. Пекин, оставаясь крупнейшим экономическим партнером, воспринимается многими в Монголии как источник постоянной угрозы [Delaplace, 2010]. Ресурс синофобии охотно используется рядом монгольских политиков, особенно в период предвыборных кампаний.

Общая слабость любого рода связей республик Центральной Азии с Монголией не исключает, однако, периодическое появление различных, порой экзотических взаимодействий Улан-Батора и столиц ЦА.

После начала Россией СВО на Украине в Монголии популяризируются идеи о необходимости некоей новой перебалансировки монгольской внешней политики, в которой мог бы поучаствовать и центральноазиатский фактор. Эти идеи продвигают сейчас некоторые западные структуры (например, *Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia*) и монгольские «грантоедские» структуры — *Mongolian Institute for Innovative Policies* и др. В концентрированном виде они нашли выражение в прошлогоднем докладе «Новая внешнеполитическая стратегия Монголии: балансировка с Центральной и Северо-Восточной Азией» [Mendee, Soyolgerel, 2022]. Авторы доклада, заместитель директора Института оборонных исследований Монголии Жаргалсайхан Менди и Ниямжав Сойолгерель, предлагают монгольским властям «укрепить свой военный нейтралитет и активизировать стратегию мягкого балансирования» с учетом роста противостояния России и Запада, а также Китая и США.

Для этого «Монголия не должна отказываться от своей многосторонней дипломатии, которая включает в себя «политику «третьего соседа»». Однако ей следует инициировать новую стратегию мягкого баланса с Казахстаном и Кыргызской Республикой, которые сталкиваются с аналогичными проблемами внешней политики. Эта стратегия мягкого балансирования должна быть спроектирована как партнерство, связывающее Турцию и Южную

Корею через ядро Монголии, Казахстана и Кыргызской Республики, опираясь на их многовековое наследие и новую государственность.

«Аналогичными проблемами» Астаны и Бишкека, по мнению авторов, является то, что «оба государства в настоящее время обеспокоены применением Россией военной силы против Грузии и Украины. Это хороший момент для Монголии, чтобы обратиться к Казахстану и Кыргызской Республике, чтобы углубить их политические, экономические и культурные связи. Поскольку все три государства не имеют выхода к морю, также было бы важно привлечь Турцию и Южную Корею и таким образом расширить сообщение между двумя регионами». Авторами предлагается «объединение со старыми партнерами, Казахстаном и Кыргызской Республикой, и построение политического, экономического и культурного моста между Центральной Азией и Северо-Восточной Азией, включая Турцию и Южную Корею» [*Mendee, Soyolgerel*, 2022: 12].

При этом Южная Корея рассматривается как сторона, заинтересованная в расширении экономического сотрудничества с ЦА, особенно в развитии связей через корейские общины в регионе (в Казахстане и Узбекистане)¹⁹. Турция же, по мнению сторонников «новой монгольской геополитики», хороша тем, что активно реализует стратегию по увеличению своего экономического и культурного влияния в Евразии и Центральной Азии, опираясь на тюркское культурное наследие²⁰. При этом в Улан-Баторе стараются не упоминать о видении Анкарой Великого Турана, в который, помимо Турции, должны войти Азербайджан, тюркские республики ЦА, а также китайский Синцзян, тюркские автономии России и территории самой Монголии.

Ситуацию упрощает то, что со стороны тюркских республик ЦА наблюдается желание укреплять связи с Турцией. В данном процессе наиболее активно ведет себя Казахстан, активизирующий военно-техническое, политическое и экономическое сотрудничество с Анкарой. Налицо политика «третьего соседа» в исполнении казахстанских властей — поиск внерегиональных игроков, с опорой на которых Астана избегает одностороннего сотрудничества с Москвой и Пекином.

Имеются и пока еще отдельные, эпизодические попытки практического перехода к «новой геополитической модели». Например, в конце 2022 г. в МИД Монголии прошла приуроченная к 30-летию дипломатических отношений между двумя странами казахстанско-монгольская конференция, на которой участники представили концепцию трансграничного сотрудниче-

¹⁹ It's Not Only China: Japan and Korea's Growing Roles in Central Asia // A Caspian Policy Center Policy Brief, August 2021 // https://api.caspianpolicy.org/media/ckeditor_media/2021/10/11/its-not-only-china-japan-and-koreas-growing-roles-in-central-asia.pdf/, дата обращения 06.11.2023.

²⁰ Turkey's Return to Central Asia // RUSI, 1 April 2021 // <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/turkeys-return-central-asia/>, дата обращения 07.11.2023.

ства «Алтай — наш общий дом». На форуме в Улан-Баторе при этом речь шла об алтайском общем доме исключительно для казахов и монголов, без учета того, что по дорогам российского Алтая осуществляется свыше 80 % внешнеторговых перевозок между Казахстаном и Монголией как железнодорожным, так и автомобильным транспортом.

Пока все разговоры о тюрко-монгольской идентичности и желательности выстроить новые совместные геополитические и геоэкономические модели Монголии с республиками Центральной Азии упираются в суровую прозу жизни: как отмечал на упомянутом форуме в МИД Монголии генеральный секретарь монгольской Торгово-промышленной палаты Энэбиш Оюунтэгш, поскольку нет «прямой казахстанско-монгольской железной дороги, все идет через Новосибирск — значит, приходится делать большую дугу. Отсюда высокие транспортные расходы» [Балиев, 2023].

Список литературы

Адилбаев Ж., 2022. Казахстан — Монголия: 30 лет дипломатического сотрудничества // Bulletin of the Institute of Oriental Studies. Т. 2. № 1. С. 168—175. DOI: 10.52837/27382702-2022.1-168.

Гайнуллина Н. Р., 2023. Развитие торгово-инвестиционного сотрудничества Республики Казахстан с государствами ЦАРЭС // Российский внешнеэкономический вестник. № 7. С. 102—114. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-7-102-114.

Джеенбекова С. С., 2021. Геополитика Монголии с Россией, Китаем, странами ЦА и АТР // Обозреватель. № 6 (377). С. 99—109. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_6_99.

Родионов В., 2012. Центральнoазиатский вектор внешней политики Монголии: фактор ШОС // Мировая система и межрегиональные отношения. № 4. С. 104—111.

Bedeski R. E., 2006. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-state // The Mongolian Journal of International Affair. № 13. P. 86. <https://doi.org/10.5564/mjia.v0i13.10>.

Delaplace G., 2010. Chinese Ghost in Mongolia // Inner Asia. Vol. 12. № 1. P. 127—141.

Mendee J., Soyolgerel N., 2022. Mongolia's new foreign policy strategy: A Balancing act with Central and Northeast Asia // Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies // <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/mongolei/19359.pdf>, дата обращения 10.10.2023.

Алмазов Х., 2023. Товарооборот между Казахстаном и Монголией вырос до 104 млн долларов // <https://inbusiness.kz/ru/last/tovarooborot-mezhdu-kazahstanom-i-mongoliej-vyros-do-104-mln-dollarov/>, дата обращения 27.09.2023.

Балиев А., 2023. Большой Алтай: построят ли Монголия и Казахстан «отдельную квартиру» в «общем доме»? // <https://vpoanalytics.com/2023/05/17/bolshoj-altaj-postroyat-li-mongoliya-i-kazahstan-otdelnuyu-kvartiru-v-obshhem-dome/>, дата обращения 07.11.2023.

Батцэцэг Г., 2022. Расширение сотрудничества в области сельского хозяйства между Монголией и Узбекистаном обсудили в Ташкенте // <https://montsame.mn/ru/read/298422>, дата обращения 08.10.2023.

Дэлгэрмаа Ю., 2017. Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики в Монголии Азамат Усенов: Кыргызстан и Монголия — близкие по духу страны // <https://montsame.mn/ru/read/162216/>, дата обращения 17.11.2023.

Марат Э., 2011. Демократия: почему у Монголии получилось // <http://www.voanews.com/russian/news/Mongolia-democracy-2011-10-17-131993988.html>, дата обращения 22.08.2023.

Милиэйт Б., 2017. Почему Монголия не укрепляет связи с Казахстаном? // <https://asiarussia.ru/articles/14885/>, дата обращения 04.11.2023.

Пустовойтова Е., 2023. Американские сети для потомков Чингисхана. Упорные попытки проникновения американцев в Монголию обусловлены «редкоземельным голодом» США // <https://www.fondsk.ru/news/2023/08/16/amerikanskieseti-dlya-potomkov-chingiskhana.html>, дата обращения 16.09.2023.

GROZIN Andrey V., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS Countries, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

Address: 2/1, Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, 141410, Russian Federation.

E-mail: andgrozin@yandex.ru

SPIN-code: 5621-8571

MONGOLIA AND THE REPUBLICS OF CENTRAL ASIA

DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_80

Received: 18.12.2023.

For citation: *Grozin A. V.*, 2024. Mongolia And the Central Asian Republics. – *Geoeconomics of Energetics*. № 1 (25). P.80–95. DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_80

Keywords: Mongolia, Ulaanbaatar, Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, China, Russia, exports, cooperation, interstate partnership.

Abstract

The article examines the state of relations between Mongolia and the post-Soviet republics of Central Asia (Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan). The author assesses main constraints of Mongolian-Central Asian economic cooperation, as well as steps to strengthen various elements of interstate partnership. Another part of the research is the study of Ulaanbaatar's attempts to develop new theoretical approaches to the strengthen Mongolian policy in Central Asia in the context of the observed growth of global geopolitical and geo-economic tensions. It is obvious that in the current conditions Mongolia's needs to expand the range of international partnerships becomes a serious challenge, requiring the authorities of the republic to make important political and foreign economic decisions in the short term.

References

Adilbayev J., 2022. Kazakhstan – Mongolia: 30 years of diplomatic cooperation // *Bulletin of the Institute of Oriental Studies*. Vol. 2. No. 1. Pp. 168–175. DOI: 10.52837/27382702-2022.1-168. (In Russ.)

Gaynullina N. R., 2023. Development of trade and investment cooperation of the Republic of Kazakhstan with the CAREC states // *Russian Foreign Economic Bulletin*. No. 7. Pp. 102–114. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-7-102-114. (In Russ.)

Dzheenbekova S. S., 2021. Geopolitics of Mongolia with Russia, China, CA and APR countries // *Obozrevatel*. No. 6 (377). Pp. 99–109. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_6_99. (In Russ.)

Rodionov V., 2012. Central Asian vector of Mongolia's foreign policy: the SCO factor // *World system and interregional relations*. No. 4. Pp. 104–111. (In Russ.)

Bedeski R. E., 2006. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-state // *The Mongolian Journal of International Affair*. No. 13. P. 86. <https://doi.org/10.5564/mjia.v0i13.10>. (In Eng.)

Delaplace G., 2010. Chinese Ghost in Mongolia // *Inner Asia*. Vol. 12. No. 1. P. 127–141. (In Eng.)

Mendee J., Soyolgerel N., 2022. Mongolia's new foreign policy strategy: A Balancing act with Central and Northeast Asia // *Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies* // <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/mongolei/19359.pdf>, accessed 10.10.2023. (In Eng.)

Almazov H., 2023. Trade turnover between Kazakhstan and Mongolia increased to 104 million dollars // <https://inbusiness.kz/ru/last/tovarooborot-mezhdu-kazahstanom-i-mongoliej-vyros-do-104-mln-dollarov/>, accessed 27.09.2023. (In Russ.)

Baliev A., 2023. Big Altai: will Mongolia and Kazakhstan build a «separate apartment» in the «common house»? // <https://vpoanalytics.com/2023/05/17/bolshoj-altaj-postroyat-li-mongoliya-i-kazahstan-otdelnuyu-kvartiru-v-obshhem-dome/>, accessed 07.11.2023. (In Russ.)

Battsetseg G., 2022. Expansion of cooperation in agriculture between Mongolia and Uzbekistan discussed in Tashkent // <https://montsame.mn/ru/read/298422>, accessed 08.10.2023. (In Russ.)

Delgermaa Y., 2017. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Kyrgyz Republic in Mongolia Azamat Usenov: Kyrgyzstan and Mongolia are close in spirit // <https://montsame.mn/ru/read/162216/>, accessed 17.11.2023. (In Russ.)

Marat E., 2011. Democracy: Why Mongolia succeeded // <http://www.voanews.com/russian/news/Mongolia-democracy-2011-10-17-131993988.html/>, accessed 22.08.2023. (In Russ.)

Miliate B., 2017. Why Mongolia does not strengthen ties with Kazakhstan? // <https://asiarussia.ru/articles/14885/>, accessed 04.11.2023. (In Russ.)

Pustovoitova E., 2023. American networks for descendants of Genghis Khan. Persistent attempts of Americans to penetrate into Mongolia are caused by the «rare earth hunger» of the USA // <https://www.fondsk.ru/news/2023/08/16/amerikanskieseti-dlya-potomkov-chingiskhana.html>, accessed 16.09.2023. (In Russ.)